

И. М. Егоров†, А. С. Безлепкин‡

† Российский государственный гуманитарный университет (Москва); i.m.jegorow@gmail.com

‡ Российский государственный гуманитарный университет (Москва); a.s.bezlepkin@gmail.com

XII традиционные чтения памяти С. А. Старостина Москва, РГГУ, 23–24 марта 2017 года

23–24 марта 2017 года в Москве под эгидой Института восточных культур и античности РГГУ состоялись XII чтения памяти Сергея Анатольевича Старостина. Первый день был посвящен вопросам исторического изучения индоевропейских и других ностратических языков; во второй день рассматривались также проблемы изучения других языков Евразии, Африки и Центральной Америки. По традиции конференцию открыл директор Института восточных культур и античности Илья Смирнов, затем выступил Георгий Старостин с обзором новейших достижений в области сравнительно-исторического языкознания. Тезисы докладов и презентации доступны на сайте проекта «Вавилонская башня»¹.

На утренней сессии первого дня чтений Артем Трофимов (Лаборатория востоковедения ШАГИ РАНХиГС) представил доклад «Особенности составления 110-словных списков Сводеша для ведийского и авестийского языков». Докладчик отметил, что списки для «Ригведы» и «Атхарваведы» могут быть рассмотрены независимо, при этом «Атхарваведа» по сравнению с «Ригведой» имеет 5 лексических замен и 3 морфологические. Для составления авестийского списка необходимо привлечение данных «Младшей Авесты», включая самые поздние источники, такие как «Видевдат» и авестийско-пехлевийский словарь. Некоторые вхождения остаются сомнительными, т. к. встречаются только в композитах. Проблему близких синонимов в ведийских и в авестийских текстах А. А. Трофимов предлагает решать, выбирая наиболее свободную от мифологических коннотаций лексику. Так, для значения ‘person’ выбирается *jāna-*, т. к. *tāniṣa-* обозначает человека, противопоставленного богам, а *pūriṣa-* — человека, противопоставленного животным, и мифологического персонажа. Специ-

фическая проблема, связанная с авестийской соматической лексикой, состоит в существовании синонимов, обозначающих части тел ахуров и дэвов. В силу большей частотности и более прозрачной этимологии выбирается «ахуровская» лексика. В трех случаях противопоставление является трехчленным. Один из них — ‘belly’: *udara-* (немаркированное), *uruθiuan-* (об ахурах), *maṣu-* (о дэвах). В этом и в двух аналогичных случаях (‘head’ и ‘ear’), несмотря на меньшую частотность, основной считается немаркированная лексема. Одна из значительных проблем — супплетивизм ведийских глаголов. А. А. Трофимову удалось выявить специфику значения отдельных основ: для глагола со значением ‘eat’ как основные выбраны *ad-* и *aś-*, т. к. для основы *ghas-* в «Ригведе» усматривается значение ‘есть (о животных)’; для ‘say’ основные — *brav-/āh-*, а *vak-/vac-* — ‘(про)возглашать (в ритуальных контекстах)’.

Усовершенствованию глоттохронологической модели распада двух языков посвящен доклад Михаила Васильева и Михаила Саенко (Институт славяноведения РАН) «Точность глоттохронологического метода при датировании языковой дивергенции: данные романских языков». Авторы сравнили модель М. Сводеша, С. А. Старостина и потоковую модель. По их оценке, процесс дивергенции наиболее точно описывается моделями Старостина и потоковой моделью после их предварительной калибровки. Это привело их к выводу, что большая относительная величина доверительного интервала на небольших временных дистанциях ставит под сомнение практическую ценность глоттохронологии при датировании дивергенции языков, разделившихся менее 1,5 тыс. лет назад. Теоретически глоттохронологические расчеты гораздо лучше применимы на больших временных глубинах, т. к. относительная величина доверительного интервала уменьшается. Несколько сужает дове-

¹ <http://starling.rinet.ru/confer/confer2017.htm>.

рительный интервал рассмотрение данных не двух, а трех идиомов. По мнению авторов, существенное повышение точности глоттохронологических расчетов возможно в первую очередь за счет расширения используемых списков, а также привлечения дополнительных данных для уточнения моделей на материале различных языковых семей и на разных временных интервалах.

Антон Коган (Институт востоковедения РАН) в докладе «Еще раз о генетическом положении языка документов из Ния (Восточный Туркестан)» пересмотрел выдвинутую Томасом Барроу гипотезу о принадлежности к дардской группе языка документов из оазиса Ния (III в. н. э.) на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, написанных письмом кхароштки. Т. Барроу постулирует особую близость этого языка с языком торвали кохистанской подгруппы восточнодардских языков. По данным глоттохронологии, распад кохистанской общности датируется III в. н. э., следовательно язык документов из Ния должен отражать пракохистанское состояние. Единственная изоглосса, которую приводит Т. Барроу как аргумент в пользу близости с торвали — *sv > šv*, *šv > śp*, *sm > m*. Однако, как отметил докладчик, эти переходы имеют типологические параллели в разных индоиранских языках, а внутри кохистанской группы наблюдаются только в торвали. Это обстоятельство не позволяет выводить их на пракохистанский уровень. А. И. Коган рассмотрел изоглоссы, разделяющие дардские и индоарийские языки: рефлекс **ɾ* и наличие «дардской метатезы»; рефлексы звонких придыхательных; соответствия др.-инд. *kṣ*. Все они объединяют язык документов из Ния с индоарийскими, но не с дардскими языками. Две лексические изоглоссы, общие для рассматриваемого идиома и дардских языков (*patama* ‘сади’, *janḍu-* ‘змея (?)’), могут быть интерпретированы как контактные явления. В итоге был сделан вывод, что язык документов из Ния, возможно, был соседом дардских языков, но его принадлежность к этой подгруппе исключена.

В докладе «“Путь — дорога” (№ 68 из списка Сводеша): уточнение семантики и попытка выявления типологических и этимологических универсалий» Татьяна Михайлова (Институт языкознания РАН) рассмотрела параллельные семантические развития слов для обозначения данного концепта в кельтских, германских, славянских и балтийских языках. Она подчеркнула, что не следует искусственно удревнять список. Так, для немецкого языка в значении ‘road’ необходимо использовать раннее заимствование из народной латыни *Straße*, а не ста-

рое *Weg*. Существует цепочка типичных семантических переходов: ‘дорога’ > ‘путь (в высоком смысле)’ > ‘способ/образ действия’. Общеславянское **pŕotъ* сохранилось в значении ‘road’ в македонском, болгарском и сербохорватском, ср. рус. *путь* и с аналогичным русскому значению чеш. *pout’*. Фигуральное значение сохранили англ. *way*, а также др.-ирл. *sét* < **sentu-*. Т. А. Михайлова выделила два типа лексических замен для концепта ‘road’: «по линии maker» (рус. *дорога*, чеш. *cesta*, связанные с идеей расчистки пути) и «по линии user» (лит. *kelias*, связанное с идеей хождения). Общекельт. **sentu-* в значении ‘road’ вытеснено в древнеирландском словом *slige* — изначально ‘просека’ (ср. славянское развитие), *sét* сохраняет значения ‘тропа’, ‘путь (высокое)’, ‘судьба’. Затем *slige* повторило судьбу *sét*, сохранившись в значении ‘путь (высокое)’, ‘направление’. Основное же значение ‘road’ в ирландском приобрела лексема *bothar* — изначально ‘коровья тропа’. Сопоставление семантического развития в древнеирландском и шотландском подтверждает теорию автора о гойдельском ветвлении. В валлийском *hynt* в значении ‘road’ вытеснено заимствованием *ffordd* со старым значением ‘брод’.

Актуальным вопросам компьютерных методов в лингвистике был посвящен доклад Александры Евдокимовой (Институт языкознания РАН) «Проблема членения текста в византийских надписях и в ряде языков со слитным написанием при компьютерном анализе». В докладе были подробно разобраны трудности, возникающие при членении строки из византийской почитательной надписи. Речь шла об основной проблеме автоматического парсеринга слитных текстов — о так называемом «комбинаторном взрыве». Проблема состоит в огромном количестве гипотетических членений текста, которые может построить компьютер. Опираясь на опыт работы с арабским языком, А. А. Евдокимова предложила задавать формулу структуры словоформы, что отчасти помогло бы правильно анализировать неизвестные компьютеру слова. Также она отметила, что членение от конца оказывается более четким и дает меньше вариантов. Была рассмотрена возможность представления структуры словоформы по аналогии с агглютинативными языками в виде дерева. По заключению автора, на данный момент избежать «комбинаторного взрыва» и тем самым решить проблему автоматического парсеринга слитных текстов все-таки не удастся.

Илья Грунтов (Институт языкознания РАН) и Ольга Мазо (Институт восточных культур и античности РГГУ) в докладе «Оценка гипотезы о заимст-

вовании личных местоимений в монгольских и тунгусских языках из болгарско-тюркского: комментарии к статье Александра Вовина» разобрали аргументы, приводимые автором статьи (Vovin 2011) в пользу данной гипотезы. Для тюркского чередования *b/m*, которое А. Вовин считает признаком болгарского заимствования, И. А. Грунтов и О. М. Мазо находят аналогию в монгольском в виде свободного варьирования, привлекая сравнительный материал бурятского языка: монг. *büyile* 'десны' — бур. *мүйлэ/мылэ*, ст.-монг. *qobur* 'редкий' — бур. *хомор*; *намиша/набиша* 'листья'; *qabar/qatar* 'нос'; монг. *metü* 'как' — бур. *мэтэ, бэтэ, бүтэ*. Опровергая тезис А. Вовина о том, что последовательность *min* встречается только в рассматриваемых местоимениях и в заимствованиях, докладчики привели бур. *минж* 'бобер'. Они отметили, что гипотеза А. Вовина не объясняет монгольский и тунгусский аблаут. По их мнению, остается непонятным, почему при том, что большие пласты базовой лексики заимствованы в тунгусский через монгольский, это неверно для такого базового слова, как местоимение 2-го лица. Авторы доклада указывают на наличие в тунгусском и монгольском противопоставления инклюзивных и эксклюзивных местоимений 1-го лица множественного числа, отсутствующее в тюркских языках. Гипотеза заимствования предполагала бы перестройку под него всей системы. В докладе рассмотрен и ряд других проблем аргументации А. Вовина.

Тему тюркских заимствований в монгольских языках продолжил Михаил Живлов (Институт восточных культур и античности РГГУ; Лаборатория востоковедения ШАГИ РАНХиГС) докладом «Об одной группе тюрко-монгольских лексических параллелей». Он выделил группу слов, принадлежащих к культурной лексике, с особой системой соответствий гласных: **о — у** ПТю. **Koç* 'баран' ~ ПМо. **kuča* 'id.', ПТю. **Koči* 'ягненок' ~ ПМо. **kurigan* 'id.', ПТю. **tokli* 'ягненок до полутода' ~ ПМо. **tugul* 'теленки', ПТю. **bodo-* 'красить', **bodo-g* 'краска' ~ ПМо. **budu-* 'id.', **budug* 'id.', ПТю. **Kopur* 'вид музыкального (струнного) инструмента' ~ ПМо. **kuhur* 'id.'; **ö — ü** ПТю. **(h)ökür* 'крупный рогатый скот' ~ ПМо. **hüker* 'id.'; **у — и** ПТю. **buřagu* 'теленки' ~ ПМо. **birahu* 'теленки (1 года)', ПТю. **jular* 'недоуздок' ~ ПМо. **žiluha* 'недоуздок, вожжи' (?), ПТю. **jApaku* 'свалявшаяся шерсть' ~ ПМо. **dahaki* 'линька, свалявшаяся шерсть'; **и — а** ПТю. **Kiptu* 'ножницы' ~ ПМо. **kajiči* (= **kahiči*) 'id.', ПТю. **Kis(i)rak* 'яловая кобыла' ~ ПМо. **kasirag* 'трехлетняя корова, телка' (?), ПТю. **Atir* 'орошаемое поле, межа' ~ ПМо. **(h)atar* 'необработанная земля', ПТю. **jAgir* 'нагнет от седла'

~ ПМо. **dahari* 'id.'; **а — у** ПТю. **agur* 'молозиво' ~ ПМо. **uhurag* 'id.', ПТю. **Kajir* 'солончак' ~ ПМо. **kužir* 'id.'. М. А. Живлов предположил, что эти лексемы были заимствованы в прамонгольский из некоторого несохранившегося паратюркского языка.

Второй день конференции открылся докладом Сергея Кулланды (Институт востоковедения РАН) «К этимологии некоторых северокавказских заимствований в русском языке». Одно из слов, о которых шла речь — *хинкали*, название блюда из теста с мясной начинкой, заимствованное через грузинский из аварского и происходящее из формы аварского множественного числа от *hinč* 'пельмень, хинкали'. Докладчик высказал предположение, что в аварском оно из пралезгинского **χ:imk* 'кулак' (по форме пирожков). Основой для еще одной предложенной этимологии послужил анализ происхождения др.-инд. *gandharvā-* и авест. *gandərəba-*. Несоответствие анлаутного согласного индийской и иранской форм, с одной стороны, и сопоставляемого обычно с ними греч. *Κένταυροι* (мифические полулюди-полукони), с другой стороны, объясняется заимствованием из какого-то субстрата. Для его идентификации, по мнению С. В. Кулланды, следует обратить внимание на то, что гандхарвы — мифологическое воплощение социовозрастных мужских союзов. Подобно молодежи индийских племен Нового и Новейшего времени, обитавшей в мужских домах, гандхарвы занимались пением, музыкой и танцами, совершали набеги на соседей (как в известном мифе о Пуруравасе и Урваши), в том числе для похищения невест («брака по обычаю гандхарвов»). Как и иницилируемые юноши, они считались духами, пребывавшими в промежуток между двумя рождениями. Между тем название, сходное с первой частью слова *gandharvā-*, носят канты — персонажи осетинского нартского эпоса; в несколько иной форме это слово встречается у адыгов как название враждебного нартского народа. Все это дает возможность предположить, что источником послужило нахск. **kan(a)t* (ср. чеч. и инг. *kant*, бацб. *knat*) 'мальчик, юноша, молодец, удалец' — такое значение вполне соответствует представлению о молодых людях, которые по своему возрастному положению обязаны проявлять удаль. Вторая часть слова *gandharvā-* и родственных ему композитов, возможно, происходит от пра-нахск. **vāri* 'шайка, ватага' (чеч. *vēra*, инг. *vār*, бацб. *vajrī*), начинавшегося на звонкий увулярный фрикативный, что способствовало озвончению предшествовавшего *t* в индоиранских языках. Как считает С. В. Кулланда, к тому же *kant* может восходить русское жаргонное *кент*.

Алексей Касьян (Институт языкознания РАН; Лаборатория востоковедения ШАГИ РАНХиГС) и Георгий Старостин (Институт восточных культур и античности РГГУ; Лаборатория востоковедения ШАГИ РАНХиГС) представили доклад под названием «Автоматическое сравнение енисейско-буришской базисной лексики и вероятностная оценка схождений». В нем были предложены доводы в пользу давнего предположения о родстве между енисейской семьей и языком-изолятом бурушаски. Материалом исследования послужили 110-словные списки реконструированной базисной лексики для праенисейского и прабурушаски, составленные Г. С. Старостиным в рамках проекта «Global Lexicostatistical Database». Они были сопоставлены друг с другом методом консонантных классов с применением перестановочного теста². Компьютерная программа проводила сравнение дважды — с использованием более общего и более подробного набора консонантных классов (каждый из которых обозначается прописной буквой — далее такое обозначение использовано при упрощенной записи этимонов, приводимой в квадратных скобках). В обоих случаях обнаружены одни и те же 6 совпадений: (1) ен. *qɔc- [KK] = бур. *qaq- [KK] ‘dry’; (2) ен. *si- [SH], бур. *ši [SH] ‘to eat’; (3) ен. *o [NH], бур. *u- [NH] ‘to give’; (4) ен. *xey [KH], бур. *s=ka- [KH] ‘to kill’; (5) ен. *ʔic [HK], бур. *ek [HK] ‘name’; (6) ен. *ʔi, *ʔa [NH], бур. *i- [NH] ‘that’. Перестановочный тест показал, что вероятность получить минимум 6 схождений составляет 0.048 и 0.013 в зависимости от используемого набора классов. Эти величины статистически значимы при пороге 0.05. Таким образом, фонетические сходства между праенисейским и прабурушаски 110-словниками не случайны, и результат исследования можно рассматривать как сигнал дальнего родства между двумя семьями. Интересная особенность использованного метода состоит в том, что из 6 полученных с его помощью схождений 4 подтверждаются сравнительно-историческим методом, а 2 — явно ошибочны: ‘to kill’ и ‘that’. При этом 5 этимологий, предложенных С. А. Старостиным с опорой на сравнительно-исторический метод, пропущены алгоритмом, поскольку фонетическое сходство между соответствующими корнями слишком затемнено: (1) ен. *de-s ‘eye’, бур. *l-ɕi ‘eye’; (2) ен. *ʔaz ‘ʔ’, бур. *ʔa ‘ʔ’; (3) ен. *yɔpe ‘leaf’, бур. *ʔap ‘leaf’; (4) ен. *ci:ʒ ‘root’, бур. *cʰereʃ ‘root’; (5) ен. *ʔaw ‘thou’, бур. *un ‘thou’. В заключение Г. С. Старостин обра-

тил внимание на то, что вывод о родстве между енисейскими языками и бурушаски сохраняет силу независимо от того, принимается ли при этом гипотеза о существовании сино-кавказской макросемьи, предположительно объединяющей, кроме названных, еще несколько языковых семей.

В докладе Йоханна-Маттиса Листа (Институт Макса Планка, Йена) «Сетевой подход к анализу древнекитайских рифм» был показан пример применения методов, используемых при изучении социальных сетей, в реконструкции древнекитайской фонологии. Проведенный автором анализ графа, вершинами которого являются иероглифы «Книги песен» («Шицзин»), подтверждает гипотезу С. А. Старостина о существовании в древнекитайском языке коды -r, позднее слившейся с кодой -n. Об этом свидетельствует разделение графа на группы рифмующихся иероглифов, аналогичное выявлению сетевых сообществ.

Анастасия Крылова (Институт восточных культур и античности РГГУ) в докладе «Языки мунда: лексикостатистика по новым данным» рассказала о результатах экспедиции в индийский штат Орисса, в ходе которой были собраны 100-словные списки для четырех языков мунда: сора, хо, бонда и мундари. Полученные сведения позволили уточнить генеалогическую классификацию этих языков методами лексикостатистики. В целом получила подтверждение точка зрения исследователя австроазиатских языков Ильи Пейроса, хотя между списками, собранными экспедицией, и 100-словниками, представленными в его работах, есть расхождения (в случае бонда весьма существенные). Проведенная работа показывает, что распад протомунда на северную и южную группы датируется первой половиной II тысячелетия до нашей эры, вскоре после этого разделились бонда и сора (южная группа), а в середине I тысячелетия нашей эры — мундари и хо (северная группа).

Евгения Коровина (Институт языкознания РАН; Институт восточных культур и античности РГГУ) выступила с докладом «Классификация языков майя: методы и результаты». В первой его части она показала, как сложились существующие представления о классификации языков майя. Во второй — продемонстрировала результаты построения генеалогии майя по 100- и 200-словным спискам Сводеша при помощи различных иерархических и филогенетических методов, а также классификацию, полученную средствами этимостатистики. Кроме того, были рассмотрены причины некоторых расхождений между различными вариантами генеалогического дерева этих языков.

² Об этом способе сопоставления можно прочитать в публикации Kassian et al. 2015.

Виктор Порхомовский (Институт языкознания РАН) в докладе «Диахроническая типология в семитском историческом языкознании» изложил идеи, которые легли в основу разработанной им четырехступенчатой модели, описывающей эволюцию видо-временной системы семитских языков. Эта модель противопоставлена концепции И. М. Дьяконова, согласно которой семито-хамитские языки делятся на языки древней, средней и новой ступени. Стадиально-типологическая классификация языка в целом, по мнению автора доклада, затруднена тем, что различные уровни языковой системы эволюционируют неравномерно — например, среди семитских языков есть такие, которые архаичны с точки зрения фонологии, но морфологически сильно изменились по сравнению с прасемитским состоянием. Между тем применительно к глагольной системе такое распределение языков по разным этапам развития, как считает В. Я. Порхомовский, возможно. Все семитские языки он относит к какой-нибудь из четырех ступеней, предполагаемых его моделью, в зависимости от того, какая ситуация в них сложилась в рамках аспектной оппозиции перфектива и имперфектива: на каждом этапе один из членов оппозиции «сильный», а другой «слабый» (употребляемый там, где нет необходимости в употреблении сильного); это приводит к появлению наряду со слабой формой глагольного вида его сильной формы, со временем вытесняющей слабую; привативная оппозиция превращается в эквиполентную; на новой ступени порядок изменений повторяется.

Ольга Попова (Институт языкознания РАН) посвятила доклад «Орфография царского имени Артаксеркс в нововавилонских клинописных источниках как критерий датировки текстов» проблеме различения имен трех правивших в Вавилонии ахеменидских царей: Артаксеркса I (465–424 гг. до н. э.), Артаксеркса II (405–359 гг. до н. э.) и Артаксеркса III (359–338 гг. до н. э.). Рассматривая написание второй части имени, О. В. Попова установила три варианта передачи др.-перс. *š* (вероятно, обозначавшего /ts/): *šá-as-su*; *šá-su*; *šat-su*. На основании корпусного анализа текстов, чья датировка не вызывает сомнения, докладчице удалось установить, что для записи имени Артаксеркса III употреблялось только написание со знаком *šat*. Это связано с общей тенденцией распространения знаков структуры CVC и не имеет идеологических причин.

Ольга Столбова (Институт востоковедения РАН) в докладе «50-словный список базовой лексики

чадских языков и внутренняя классификация афразийской семьи» представила результаты поиска лексических изоглосс, выявление которых могло бы помочь уточнению положения чадских языков на афразийском генеалогическом дереве. В дискуссии о том, на какие части первоначально разделился праафразийский язык, чадская ветвь занимает центральное место, поскольку есть по крайней мере три гипотезы о том, с какой другой ветвью она связана наиболее близким родством: 1) с берберской, 2) с египетской, 3) с кушитской (или, возможно, кушитско-омотской). Для проверки этих предположений О. В. Столбова рассмотрела те случаи, когда у чадских корней из 50-словного списка нет общесемитских параллелей. Проведенный анализ не позволил сделать вывода о предпочтительности какой-либо из гипотез, но способствовал постановке вопросов о том, какую роль в решении проблемы могли бы сыграть реконструкции разного уровня и разной репрезентативности (например, опирающиеся только на материал отдельных ответвлений внутри чадской семьи).

Проблема определения степени близости языковых семей Африки была затронута и в заключительном докладе конференции, с которым выступил Георгий Старостин (Институт восточных культур и античности РГГУ; Лаборатория востоковедения ШАГИ РАНХиГС), — «К вопросу об ареально-генетических “клубках” в базисной лексике на примере этимона ‘луна’ в макросуданском регионе». Докладчик проанализировал соотношения между несколькими этимонами с общим значением ‘луна’, реконструируемыми для языков гипотетической «нило-сахарской» макросемьи (нилотских и центрально-суданских), а также для некоторых других языков той же части континента, в частности афразийских (кушитских и омотских) и нигер-конголезских (убангийских). Было показано, что, несмотря на очевидное фонетическое сходство между рассмотренными nilотскими и центрально-суданскими формами, они не могут служить доводами в пользу nilо-сахарского родства. По мнению Г. С. Старостина, наиболее логичное и экономное объяснение их распределения по таксонам — ареальная диффузия, затронувшая «нило-сахарские» и афразийские языки региона. Первоначальный ее источник установить трудно, но вряд ли это прямой предок какой-либо из упомянутых групп. Приблизительная исходная форма может быть восстановлена как **ɬape* или **ɬapay*. Она эволюционировала двумя основными путями: **ɬapay* → **ɬafay* → **ɬahay* (отсюда произошло большинство кушитских и южнонилотских форм) и **ɬapay* → **apay*

→ **paу* (отсюда — большая часть нилотских, центральносуданских и убанийских форм). Аналогичные сценарии, как считает автор доклада, не исключены и для других базисных лексем, что важно учитывать в будущих исследованиях генетических связей между африканскими языковыми семьями.

Литература

- Kassian, Alexei, Mikhail Zhivlov, George Starostin. 2015. Proto-Indo-European-Uralic Comparison from the Probabilistic Point of View. *Journal of Indo-European Studies* 43: 301–347.
- Vovin, Alexander. 2011. First and second person singular pronouns: a pillar or a pillory of the ‘Altaic’ hypothesis? *Türk Dilleri Araştırmaları* 21(2): 251–278.